

**ЗАКРЫТЫЕ ПИСЬМА СЕКРЕТАРЕЙ ГУБКОМОВ РКП(б)
О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСЕРОВ В СИБИРИ** –1923 гг.)

Анатолий Владимирович Добровольский

Сибирский государственный университет путей сообщения, 630049, Россия, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, тел. (383)328

С начала 1920 х годов в партийной системе РКП(б) были введены закрытые письма руководителей губернских комитетов партии. В статье анализируется (на примере Енисейской губернии) практика и опыт данного вида работы в части систематического освещения деятельности антисоветских партий и групп на территории региона. Автор делает выводы, что жесткая регламентация и отсутствие активной эсеровской оппозиции в этот период вскоре привели к формализму в этой работе. Закрытые письма секретарей губкомов не представляли особой ценности ни с точки зрения новой информации, ни как аналитический материал.

Ключевые слова: Сибирь, закрытые письма, РКП(б), оппозиция, эсеры, нелегальная деятельность.

—

На съезде РКП(б) была введена система ежемесячных информационных и статических отчетов губернских комитетов в ЦК РКП(б). Циркуляром ЦК от 18 января 1922 г. № 1902/с дополнительно вводились секретные (закрытые) письма руководителей губернских комитетов РКП(б). В директивном письме ЦК от 20 апреля 1922 г. доводилось до их сведения, что закрытые письма секретарей губкомов (объем две страницы) должны ежемесячно направляться в ЦК до 5 числа. В земледельческих областях рекомендовалось более полно и внимательно освещать вопросы урожая, состояние продовольственной работы, торговли, настроения крестьянства, работы эсеров. В промышленных губерниях отражать положение на фабриках, настроения рабочих, влияние меньшевиков и

т.д. В директивном письме особо акцентировалось внимание на важность пункта № 3, в котором требовалось отражать деятельность враждебных политических партий, «их влияние в тех или иных слоях населения, методы их работы и т.д.» [3, д. 309, л.

В данной работе мы решили проанализировать закрытые письма секретарей Енисейской губернии, которые, на наш взгляд, отличались высокой дисциплинованностью, стремились творчески выполнять директивы распоряжения руководящих органов, поручения ЦК.

В закрытом письме за август 1922 г. секретарь губкома А. С. Гендлин писал, что «деятельность меньшевиков и эсеров почти сведена на нет. Ни в профсоюзах, ни в городской кооперации их нет. На командных постах они крепко сидят пока в Губсоюзе кооперативов» [2, д. 288, л. 51]. Далее он информировал ЦК, что губкомом ведется подготовительная работа по организации перевыборов в структурных (районных) подразделениях и самом губернском союзе. «Меньшевики из губсоюза просят оставить им из семи мест три – на местах; эсеры проявляют себя в сельскохозяйственной кооперации, но верхи сельхозкооперации в руках нашей партии» [2, д. 288, л.

В следующем закрытом письме № 7 за сентябрь 1922 г. он информировал ЦК, что в текущем месяце прошли перевыборы центрального правления и районных отделений губернского союза кооперативов. «Нужно сказать, – писал А. С. Гендель, – что до перевыборов губсоюз был убежищем всех меньшевиков и эсеров. Во всех правлениях подавляющее большинство было за этими «беспартийными» [2, д. 288, л. 14]. В результате перевыборов в центральном правлении стало пять членов партии РКП(б) из семи, в районных отделениях по два – три коммуниста. Тем не менее, признавался А. С. Гендлин, в сельскохозяйственной кооперации влияние компартии еще слабое, там чрезвычайно мало своих людей и ее работа не поддается полному контролю наших партячеек. Что же касается враждебных нам политических партий, то «все эсеры и меньшевики арестованы. Их влияние сказывается, но слабое, в сельскохозяйственной кооперации. Активности не проявляют и влияния среди рабочих не имеют» [2, д. 288, л.

В закрытом письме № 10 (за декабрь 1922 г.) по третьему пункту писалось, что влияния эсеров и меньшевиков не наблюдается. «Хотелось бы отметить странный факт, – информировал А. С. Гендлин. Месяц тому назад из губернии были высланы меньшевики и эсеры. Меньшевики в Барнаул (Алтайской губернии), эсеры в Томскую губернию, предполагали в Нарымский край. Вопрос об их высылке был согласован с ГПУ, и по сведениям начальника ГПУ, с Полномочным представительством ГПУ по Сибири. Несколько дней тому назад все высланные эсеры приехали обратно сюда, в Красноярск. Кому понадобилось их выдворять назад, для какой цели, считаю это несомненной ошибкой со стороны Томского ГПУ, а может быть и Сиб. ПП ГПУ. Господа эсеры, вернувшиеся в Красноярск, пользовались персональным доверием у некоторых групп населения, служащих союзов Нарсвязи и Совработников» [2, д. 288, л. 29; 3, д. 371, л.

В закрытом письме за январь 1923 г. партийный руководитель Енисейской губернии писал, что «продналоговая кампания завершилась хорошо, настроение крестьян удовлетворительное». Правда, задолженность по зарплате вызывает определенную напряженность среди рабочих. Железнодорожники получили зарплату за декабрь только 20 января. А четырехмесячная задолженность по заработной плате на Черногорских коях вылилась в попытку остановить работу. «Что касается враждебных нам партий, – информировал А. С. Гендлин, – то они не проявляют активности» [3, д. 606, л. 16]. Далее он вновь повторяет, что возвращение из ссылки эсеров и меньшевиков вызвало «определенное сочувствие» к ним со стороны некоторых лиц (особенно служащих Губсоюза), что выразилось в сборе материальной помощи и иных видов поддержки, но подавляющая часть населения осталась довольно равнодушна к их судьбе. В настоящее время, сообщал А.С. Гендлин, проводится чистка аппарата губсоюза от нежелательных элементов.

Для сравнения ситуации по сибирским губерниям приводим закрытое письмо секретаря Иркутского губкома РКП(б) М. Ф. Левитина: «Работа враждебных нам партий, после проведения операций ГПУ в октябре 1922 года – почти не заметна, за исключением редких случаев, почти не имеющих никакого значения» д. л. 41]. В это же время секретарь Новониколаевского губкома РКП(б) А. И. Равдель писал: «Активного проявления антисоветских партий и группировок не наблюдается. В настоящий момент приступили к очистке и сокращению аппаратов кооперации, в системе которой главным образом и ютятся последние» [3, д. 292, л. 27]. Да и какая могла быть работа антисоветских партий, откуда могла взяться организованная оппозиция, если все активные члены партии эсеров (и бывшие, и настоящие, и даже подозреваемые в причастности к эсеровской партии) находились в это время (после судебного процесса над ЦК партии эсеров) в тюрьмах, либо в ссылках, либо неустанно контролировались органами ГПУ на местах.

В начале 1923 г. ответственным секретарем Енисейского губкома РКП(б) был избран Р. Я. Кисис. После ознакомления с ситуацией он писал в Сиббюро: «Партийный аппарат по губернии слаб. Необходимо замена 2 х секретарей укомов... Повсеместно отмечается слабость заворготделов и завагитотделов укомов» [5, с. 73]. В февральском письме (закрытое письмо № 12) он информировал ЦК РКП(б): «Работы враждебных нам политических партий и группировок не наблюдалось, однако нужно осветить, что работа сельской интеллигенции нередко отдает эсеровщиной. Бывшие эсеры и меньшевики довольно прочно сидят в кооперации и в других советско хозяйственных аппаратах. Активной работы не наблюдалось. Решительная чистка их задерживается недостатком соответствующих коммунистических сил» [2, д. 606, л.

В мартовском письме № 13 новый руководитель вновь отмечал, что «активной работы не замечалось. Необходимо лишь отметить работу по ликвидации С. Р. По указанию центра в марте была организована в Красноярске группа старых с. р. рядовиков на известной влатформе «Единого фронта» и «отре-

чения от генералов». Созданное губбюро, работающее под непосредственным наблюдением ГО ГПУ, послало своего представителя на Всероссийский съезд». После Всероссийского съезда нами лишь получена директива о публикации соответствующих решений съезда и статей генеральных органов. Необходимо было бы дать указания организационного свойства, ибо продолжительное существование губбюро не желательно» [2, д. 606, л.

Очередное письмо секретаря Енисейского губкома РКП(б) было отправлено в ЦК РКП(б) 7 июня 1923 г., объединив двухмесячную информацию за апрель – май. Руководитель констатировал, что политическое состояние губернии в целом можно назвать «устойчивое». По его мнению, отношение населения к РКП(б) улучшилось, рост политической активности масс наглядно проявился на первомайской демонстрации, в деле по протесту убийства советского дипломата В.В. Воровского. Что же касается деятельности враждебных партий, то секретарь губкома Р. Я. Кисис прямо написал: «Деятельности не замечалось. Отдельные элементы со старой меньшевистской, эсеровской и колчаковской закваской активно не выступают, стараясь, однако, вести свою политическую линию в практической работе, поскольку сидят спецями в кооперации и в других советско хозяйственных учреждениях» [2, д. 606, л. 2]. Далее он докладывал в ЦК РКП(б), что по чистке из кооперации уволено «политические вредного элемента» 30 человек. Прошедший пленум Енисейского губкома РКП(б) решил, что эта работа должна быть распространена на советский и хозяйственный аппарат. Последующее закрытое письмо секретаря Енисейского губкома РКП(б) содержало отчет уже за три месяца: июль, август и сентябрь 1923 г. По интересующему нас пункту написано: «Активной деятельности антисоветских партий и группировок, как прежде, не замечалось. Директива ЦК РКП о чистке меньшевиков из советско хозяйственных, профсоюзных и политико просветительных органов нами проводится в жизнь путем систематического и постепенного выявления таких элементов как по линии ГПУ, так и по линии фракций советских, профсоюзных, кооперативных организаций» [2, д. 606, л.

Таким образом, с начала 20 х годов повсеместно усиливается секретность в потоке партийных документов, исходящих от руководящих органов РКП(б) различного уровня. «Нарастал парадокс, – считает исследователь И.П. Вязмитинова – монопольно правящая партия все шире использовала секретность, характерную для нелегальной работы» [1, с. 43]. По замыслу ЦК закрытые письма секретарей губкомов РКП(б) должны были укреплять обратную связь руководства с местными партийными организациями [4, с. Анализ конкретного содержания закрытых писем секретарей губернских комитетов РКП(б) Сибири (в части работы враждебных политических партий и группировок) позволяет сделать выводы, что периодичность и жесткая регламентация быстро превратили закрытые письма в очередную формальность. Как источник, в части освещения работы враждебных политических партий и группировок, ежемесячные доклады руководителей губкомов были бесполезны. Во первых, к этому времени, к середине 1922 г., социалистическая оппозиция (правые эсеры, меньшевики)

были загнаны в глубокое подполье и не имели реальных возможностей для проведения партийной работы на местах. Во вторых, в результате превентивных мер органов ВЧК/ГПУ Сибири большинство руководящих эсеровских органов губернского, городского уровня были разгромлены в конце 1921 – начале 1922 гг.; большинство местных руководителей и активистов находились в местах заключения. И в третьих, что касается информации по разделам социально-экономического и общественно-политического положения губерний, то можно согласиться с мнением С. А. Павлюченкова, что «доклады ответсекретарей губкомов в ЦК быстро обрели формальный, бесконфликтный характер, без упора на реальные противоречия и проблемы, выражали тенденцию к парадной отчетности» [6, с. 62]. К тому же новой, «свежей» информацией о деятельности антисоветских партий могли обладать лишь органы, целенаправленно занимающиеся этой работой. Секретарям губкомов РКП(б) приходилось брать эту информацию либо из отчетов, сводок территориальных органов ВЧК/ГПУ, либо использовать информацию своих нижестоящих партийных структур, опирающуюся порой на непроверенные факты и домыслы. После судебного процесса над ЦК партии эсеров (июнь – август 1922 г.) реальной, организованной оппозиции в Сибири, на местах, не осталось. Поэтому разделы об антисоветской деятельности враждебных политических партий и группировок в закрытых письмах секретарей губкомов РКП(б) Сибири выглядят предельно сжатыми, однообразными, и не имели особой практической значимости для ЦК. Реальную информацию о «затухающей» деятельности оппозиционных партий большевистское руководство получало через другие каналы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вязьмитинова И. П. Секретность как средство борьбы за власть в советской политической системе 20 х годов.

[/Istoria/1_105657.doc.htm](#) (дата обращения: 8.02.2017).

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. п 1. Оп. 1. Д. 288, 606.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. п 1. Оп. 2. Д. 284, 292,

Известия ЦК РКП(б). – – № 7.

Олех Л. Г. Партийная машина РКП(б) в начале 20 х гг.: устройство и функционирование. – Новосибирск: НГИ, 1995. – 146 с.

Павлюченков С. А. Орден меченосцев: партия и власть после революции, 1917 – 1929 гг. – М.: Собрание, 2008. – с.